

победы над вандалами львиную часть добычи<sup>1</sup>, в том числе и рабов<sup>2</sup>. Владея большими богатствами и значительным числом рабов, эти привилегированные слои армии не могли иметь общий язык с восставшими рабами и колонами африканской провинции, а также и с рядовыми солдатами. Часть из них сохраняла верность императору, другие если и примкнули к восстанию, движимые корыстными побуждениями (вспомним, что они не имели земли, которая была передана старым владельцам), то только для того, чтобы использовать его в своих интересах, а затем предать восставших.

Ярким примером такой предательской политики служит поведение одного из командиров африканского экспедиционного корпуса Феодора Каппадокийского и его приближенных. В начале восстания Феодор примкнул к движению и был даже избран вождем восставших солдат карфагенского гарнизона<sup>3</sup>. Однако с первых же шагов он действует предательски. Он тайно помогает Соломону и самому Прокопию бежать из Карфагена в Сиракузы к Велизария<sup>4</sup>. Ему же Соломон поручает охрану Карфагена<sup>5</sup>, — это поручение он выполняет весьма усердно. На предложение повстанцев во главе со Стотзой сдать Карфаген, Феодор отвечает отказом, решив сохранить Карфаген для императора<sup>6</sup>. Среди сторонников Феодора Каппадокийского мы находим некоего Иосефия, „секретаря царской стражи, человека видного, бывшего одним из домочадцев Велизария“<sup>7</sup>. Этого Иосефия Феодор отправляет в лагерь Стотзы для переговоров, предлагая заключить соглашение<sup>8</sup>. В дальнейшем Феодор Каппадокийский и его сторонники играют самую активную роль в борьбе с повстанцами.

Классовое лицо Феодора Каппадокийского и его приближенных достаточно ясно: это были представители именно той верхушки армии, которая хотела возглавить движение лишь для того, чтобы обезглавить его.

Немало было в армии и авантюристических элементов, примкнувших к движению с целью грабежа и наживы; были и весьма неустойчивые группировки, переходившие то на сторону повстанцев, то на сторону правительства, в зависимости от того, кому в данный момент улыбалось военное счастье.

Однако наличие авантюристических и социально-чуждых народу элементов отнюдь не меняет общего революционного характера движения в целом.

Обратимся теперь к самому ходу восстания.

Как уже указывалось, восстание началось весной 536 г.<sup>9</sup> По данным Прокопия, восстание было заранее подготовлено и восставшие имели своих вождей<sup>10</sup>. Еще до открытого выступления среди византийских солдат велась широкая агитация. „ . . И много было разговоров об этом (т. е. восстании. — Э. У.) в лагере и взаимных клятв“<sup>11</sup>.

<sup>1</sup> Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 54—56.

<sup>2</sup> Ibid., cap. IV, § 3—4, 8; cap. XIV, § 10.

<sup>3</sup> Ibid., cap. XIV, § 34.

<sup>4</sup> Ibid., § 37—39.

<sup>5</sup> Ibid., § 40—42.

<sup>6</sup> Ibid., cap. XV, § 6.

<sup>7</sup> Ibid., § 7.

<sup>8</sup> Ibid.

<sup>9</sup> Ibid., cap. XIV, § 7; Marcell. (Chronicon, col. 104) относит восстание к 535 г. Ср. Jord. Romana et Getica, col. 48.

<sup>10</sup> Procop. De bello Vandalico. cap. XIV, § 22.

<sup>11</sup> Ibid., § 21.